

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-564-577

ПОЛИТИЧЕСКОЕ В СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ

О.Б. Иванов

Центр урегулирования социальных конфликтов
проспект Мира, 72, Москва, Россия, 129063

Проблема познания социального конфликта является одной из ключевых проблем современных социальных наук. В статье рассматривается феномен социального конфликта как важной формы социального взаимодействия. Социальный конфликт рассматривается как процесс управляемый, подверженный внешнему организующему началу. Современное российское общество характеризуется ростом количества граждан, выражающих свое недовольство формами и методами реагирования власти на социальные запросы. Статья представляет собой попытку анализа социального конфликта в современном обществе как феномена, имеющего в том числе и политическую составляющую. Сквозь призму заявленной цели рассматриваются проблемы социального неравенства в современных условиях. Констатируется, что смягчение социально-политической напряженности связано с политикой государства, а высокий уровень социальной дифференциации общества может служить фактором угрозы политической стабильности. Увеличение степени социального неравенства связано с протекающими в обществе неравноценными социальными обменами. Превышение допустимой степени неравенства приводит к большому различию в уровне жизни статусных групп общества, которое расценивается как дискриминация, ущемление некоторых групп населения. Данное обстоятельство приводит к возникновению социальной напряженности, служит почвой для возникновения, развития и распространения социальных конфликтов. Новизна и практическая значимость работы состоят в системном анализе социального и политического конфликтов в их взаимосвязи и, применительно к современной российской действительности, взаимопроникновении. Автор рассматривает специфику социальных конфликтов современной России и указывает на необходимость развития и использования методик, соответствующих текущему информационному развитию общества, которые позволили бы эффективно управлять социальными конфликтами.

Ключевые слова: социальный конфликт, политический конфликт, субъект конфликта, политическая культура, политический режим, гражданское общество, управление конфликтом

Любая общественная система характеризуется неоднородностью, причем такая неоднородность выступает сущностным, определяющим признаком. Факт такой неоднородности позволяет исследователям говорить об объективном существовании достаточно широкого и противоречивого спектра интересов, носителями которых являются составляющие такую социальную систему социальные группы. Также следует отметить, что характер развития общественных отношений, динамика данного развития и иные его особенности во многом определяются столкновением таких интересов [12. С. 27].

Социальные процессы, в отличие от процессов природных или биологических, в своем развитии лишены абсолютной стихийности, подвержены управлению, то есть целенаправленному воздействию для их упорядочения, сохранения, совершенствования и развития. Таким образом, любой социальный конфликт

логично представлять управляемым процессом специфических отношений между субъектами [4. С. 35]. Управляемость социального конфликта также выражается в том, что он представляет собой средство, с помощью которого достигается известная гармонизация общественных отношений, ориентированная на оценочно-личностные позиции участников конфликта. Возникает любопытный феномен: социальный конфликт по своей природе двуедин — он одновременно является специфическим средством управления общественными процессами и в то же время сам управляем [25. С. 17].

Краеугольным положением функциональной теории конфликта является утверждение о том, что конфликт создает и поддерживает баланс сил. В то же время на практике выяснить реальное соотношение конфликтных ресурсов и потенциала стороны могут почти всегда только путем открытого конфликта и «пробы» второй стороны. В этом случае конфликт действительно и восстановлению искомого социального баланса, но опять-таки не сам по себе, не в силу своей собственной природы, а при условии грамотного им управления [22. С. 25].

Анализируя специфику социального конфликта, важно понимать, что он естественным образом связан с социальным протестом, поскольку последний является наиболее частой формой выражения социального конфликта в публичном пространстве. Под социальным протестом применительно к рассматриваемой теме следует понимать публичную, открытую и осознанную реакцию субъектов социального взаимодействия (как индивидуальных, так и коллективных), направленную на защиту значимых для этих субъектов ценностей.

Проблема протеста (в том числе как научного феномена, требующего специального изучения, собственного исследовательского внимания) значительно актуализировалась с началом XXI века. Этому объективно способствовал рост числа акций протеста, который привел к существенному нагнетанию общественно-политической обстановки.

Также при исследовании современных социальных процессов необходимо помнить, что в целом сформировавшееся к настоящему времени сетевое информационное общество не просто характеризуется относительно высоким уровнем социальных противоречий, но и самим их качеством: современные социальные противоречия объективно отличаются от тех, которые были присущи социальным системам до того, как они приобрели сетевые характеристики [29. С. 207—208].

В связи с этим очевиден запрос на проведение соответствующих научных изысканий в этой сфере, который объективно затрудняется недостаточной разработанностью категориального аппарата, обилием концепций, а также динамичностью самого объекта исследования. Существенная трудность заключается и в неоднозначности понимания в политической науке самого исходного термина «протест», толкования которого в настоящий момент расходятся весьма ощутимо, затрудняя формулировку каких-то целостных обобщений и аргументированных выводов [26. С. 56].

Понятие протеста является весьма важным в контексте рассматриваемой темы, а потому имеет смысл остановиться, хотя бы и кратко, на эволюции этого понятия в научной мысли.

Вероятно, что впервые на понятие протеста обратили внимание представители античной философии. Так, например, Платон и Аристотель под протестом (используя, разумеется, иную терминологию) понимали действия части общества, направленные на изменение государственного строя, на смещение правителя — то есть имеющие целью получение доступа к управлению государством. Платон отмечал, что «восстания» есть проявления конфликта, возникающего при утрате консенсуса в государстве по поводу «Блага», которое является высшей ценностью [24]. Аристотель исходил из того, что смена власти в государстве в результате «возмущения» провоцируется неравенством в имуществе или привилегиях, которые побуждают в людях потребность к бунту [2].

Никколо Макиавелли указывал, что протест (бунт) — это противоположность порядку, наказание правителям, которые проводят ненадлежащую политику, указывал на важность лидера в протесте и на то, что причиной протестов могут быть ограничения свобод [19]. В общем, аналогичных позиций придерживались и Френсис Бэкон [5], и Томас Гоббс [7], и Джон Локк [18], и Жан-Жак Руссо (хотя последний жестко критиковал принцип большинства, полагая его по сути неправомерным) [27].

Принципиально новый этап в изучении протеста появляется в трудах Карла Маркса: динамика социального развития ставится в зависимость от конфликтов между производительными силами и производственными отношениями, конфликт (революция, протест) получает позитивное наполнение, позволяет обществу перейти на следующую ступень развития [20].

В XX веке наука вновь обращается к теме социального протеста. Толкот Парсонс создает единую теорию социального действия: противостояния людей остановить невозможно, конфликты и протесты (они несут негативный потенциал) будут всегда, их воздействие можно отчасти нивелировать, закрепив систему либерально-демократических ценностей в общественной культуре [Парсонс, 1997].

Иную позицию занимал Роберт Мертон, выделивший пять типов характерного политического поведения, среди которых значился и мятеж — отказ от преобладающих политических идей и средств борьбы за эти идеи, поддержка иных, не одобряемых властью, политических целей и средств их достижения. Это нормальный тип поведения, присущий любому обществу, недовольному функционированием государства [21]. Ральф Дарендорф, в свою очередь, подчеркивал, что конфликт всегда «связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными, экономическими и политическими средствами» [8].

По-своему подходит к проблеме протеста Альбер Камю: причина бунта — несправедливость, цель — преображение общества, протест носит конструктивную направленность [13], а участие в бунте позволяет почувствовать себя причастным к великому делу.

Джон Роулз понимает гражданское неповиновение как личный ненасильственный акт, в котором политическое состоит в явном и открытом противоречии закону, совершается с целью его изменения, предполагает конфликт между обязанностью подчиняться законам и правом защищать собственные свободы [16. С. 730—740].

Ханна Арендт говорит, что отличие гражданского неповиновения от восстания заключается не в насилии, а в «духе этого действия», и что не может существовать оправдания для нарушения законов, но место для гражданского неповиновения должно быть в институтах правления [16. С. 755—760]. Юрген Хабермас помещает гражданское неповиновение между законностью и легитимностью, рассматривая его как неконвенциональное (то есть противоречащее общепринятым нормам) средство влияния. При этом оно не является кризисом и даже не всегда является реакцией на экстремальную несправедливость. Это нормальная реакция на изменение внешней политической и социальной среды, вызванная тем, что построение гражданского общества не является линейным процессом [16. С. 760—765].

Современные российские исследователи также оперируют понятиями «гражданское неповиновение» или «социальное неповиновение». Так, например, М.Р. Деметрадзе под гражданским неповиновением понимает «коллективное действие протеста против угнетения и ущемления, доступное людям зрелой политической культуры», «добровольные общественные ассоциации людей, организующие с целью артикуляции, агрегации социальных интересов различных категорий групп общества и для защиты своих интересов с помощью целенаправленного воздействия на институты гражданского общества и государства» [9]. В процессе гражданской активности выделяются активисты (индивидуальные или групповые), которые выражают соответствующие социально-значимые интересы. Между гражданским обществом и гражданским неповиновением существенная разница: первое стремится к диалогу с властью, использует конструктивные, законные методы, а второе использует специфические формы, которые могут выходить за рамки требований действующего законодательства [14. С. 125].

Ряд исследователей приводят следующие этапы динамики протестной активности граждан: «стихийная реакция на проблемную ситуацию; реактивное подключение к протесту политических движений или партий; начало институционализации; компромиссное разрешение проблемной ситуации; деинституционализация протестной гражданской активности». При этом сам ход развития гражданского протеста показывает, что спонтанно возникшие акции институционализируются в случае появления реального политического субъекта, преследующего стратегические цели. В иных условиях протестная активность откровенно ситуативна и, как следствие, не достигает конечного результата. При этом очевидна закономерность: чем острее социальная проблема, тем выше уровень интереса, проявляемого к ней политическими акторами, тем шире круг участников, вовлеченных в ее решение — сюда добавляются средства массовой информации, судебные и правоохранительные органы и т.п. [21. С. 126]

Современные концепции протеста, как мы видим, исходят из системности в изучении этого феномена. Среди исследователей, очевидно, превалирует точка зрения, в соответствии с которой протест («конфликт», «мятеж», «бунт», «восстание», «гражданское неповиновение») является неотъемлемой частью социального развития и общественной жизни. Кроме того, большинство авторов видят причинами протеста неравенство и несправедливую общественную организацию, вне

зависимости от того, в чем они выражаются в каждом конкретном случае. Подчеркивается и ядерная роль лидера в структуре протеста, лидер способен придать протестным действиям организованность и динамику, он является основным выразителем протестного мнения.

И еще один существенный момент: авторы периода античности, Возрождения и Нового времени указывали, что протест направлен на смену политической системы или политического лидера (монарха, тирана) и власти в самом широком смысле. Исследователи новейшего времени, базируясь на этом понимании протеста, расширяют его, указывая, что он является еще и средством влияния на власть. Причина такого изменения кроется, скорее всего, в том, что политические трансформации конца XX — начала XXI веков продемонстрировали, что сама по себе смена власти далеко не всегда способствует разрешению накопившихся в обществе проблем и вызывавших такую смену социальных конфликтов.

Классифицируя социальные протесты по основанию причин, их вызывавших, можно говорить о следующих видах протеста: социально-экономический, экологический, социокультурный, политический и т.п. Если за основание классификации взять форму проявления протеста, то здесь традиционно выделяют ненасильственные (в иной терминологии — конвенциональные, то есть одобренные действующим законодательством [10. С. 133]), к которым относятся обращения в средства массовой информации и органы власти, электоральное поведение (участие в периодических действиях, связанных с делегированием публично-властных полномочий), собрания инициативных групп, судебные разбирательства, бойкот, забастовка, митинг, демонстрация; и насильственные (неконвенциональные): осознанная и публичная неуплата налогов, участие в запрещенных публичных мероприятиях, открытое неповиновение власти, захват зданий и сооружений, блокировка транспортных коммуникаций, восстание.

Следует согласиться с исследователями, справедливо указывающими, что ненасильственные (или, как их еще называют, конструктивные) формы протеста неминуемо сменяются насильственными (деструктивными) по мере накопления противоречий, утраты доверия населения к властным институтам и, как следствие, их делигитимизации с точки зрения части или даже большинства общества [21. С. 124].

В качестве подходящей иллюстрации здесь следует привести мировой экономический кризис 2008 года, от которого существенно пострадала экономика в том числе и ведущих стран Евросоюза. Экономические потрясения привели к обострению социальных противоречий, породив существенное протестное движение, охватившее в 2009—2011 годах Францию, Италию, Германию, в меньшей степени — Великобританию. Однако существующая в этих государствах относительно эффективная система легальных институтов управления конфликтами позволила удержать стабильность политической системы и заблокировать какие-либо радикальные негативные изменения в этой сфере.

Показателен и обратный пример: события так называемый «Арабской весны» 2011 года, вызванных в целом тем же экономическим кризисом. Тогда в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки социальные протесты трансформировались

в полномасштабный политический конфликт, результатом которого стал не только полный демонтаж существовавших политических режимов, но и (в Ливии и Сирии) — гражданская война, поставившая вопрос о существовании этих государств как суверенных субъектов международного права.

Безусловно, причины «арабской весны» носят не только объективный характер. Свою роль в переходе социального протеста в насильственные формы сыграло вмешательство внешних сил. В то же время все эти государства характеризуются слабостью и неэффективностью легитимных механизмов урегулирования социальных конфликтов, относительно низким уровнем культуры социальной и политической коммуникации.

В современном обществе социальные конфликты почти всегда затрагивают существующие политические отношения. Начало XXI века вообще характеризуется возрастающей ролью политики, которая охватывает все сферы жизни общества, оказывает влияние на их функционирование, предстает областью социальной жизни, где концентрируются и осмысливаются все важнейшие общественные проблемы, интересы различных классов, страт и социальных слоев, вырабатываются механизмы и способы их решения [3. С. 12]. В то же время в научной литературе «политический интерес» преимущественно используется для обозначения стремления конкретных акторов к получению и удержанию политической власти на определенном уровне.

Такой подход выглядит неоправданно линейным и не учитывающим все многообразие современных форм политических отношений и интересов, однако попытки расширить его чреваты уходом в противоположную крайность — расширением «политического» до масштабов, когда оно поглотит социальное и экономическое, лишив их очевидной самостоятельности. В связи с этим логично выделить два основных типа политических интересов: прямые (в основе которых лежит потребность во влиянии на принятие стратегических государственных решений) и косвенные (при которых власть как таковая выступает не целью, а средством удовлетворения иных базовых потребностей).

Например, коллектив крупного предприятия устраивает забастовку. Бастующие выдвигают к менеджменту и собственникам производства требования исключительно экономические, например, повышение заработной платы. Очевидно, что никаких политических целей в своей начальной стадии этот социальный конфликт не преследует. Политические цели появятся позднее, если менеджмент или собственники предприятия не предложат устраивающее стороны варианты разрешения. Тогда могут появиться требования привлечения к разрешению конфликта мэра или губернатора, местных депутатов, представителей политических партий и т.п. Однако само по себе появление политических целей в социальном конфликте, равно как и тот факт, что для его разрешения стороны прибегают к политическим механизмам, институтам и рычагам давления, не переводит социальный конфликт в конфликт политический: это возможно, только если в ситуацию активно вовлечутся субъекты публичной политики и органы государственной власти.

Отдельно стоит рассмотреть вариант, при котором социальные субъекты, используя очевидные социальные проблемы актуальной стадии государственного строительства, сразу инициируют политический конфликт, как это было, например, на Украине («Евромайдан» 2013—2014 годов), или в России второй половины 2018 года, когда федеральное правительство официально запустило ряд крайне негативных с социальной точки зрения реформ (пенсионная реформа, повышение НДС и т.д.). В обоих случаях социальный конфликт был почти сразу использован оппозиционными политическими силами, которые попытались с его помощью получить политические преференции.

Вводя в ткань настоящего исследования политический конфликт, предлагаю определить его как столкновение политических субъектов в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные с достижением власти или ее перераспределением, с изменением политического статуса в обществе.

Необходимо различать социальные и политические конфликты, в первую очередь по субъектному и объектному признакам.

По субъектному критерию (составу участников) социальные конфликты характеризуются такими участниками, которые изначально не ставят политических целей (целей доступа к институтам публичной власти и участия в распределении политических ресурсов). В то же время участниками политического конфликта являются именно субъекты публичной политики, использующие сам конфликт в том числе как цель и как средство для достижения актуальных политических целей в том виде, в каком они их понимают.

По объектному критерию разница заключается в том, что объектом социального конфликта выступают социальные интересы: ценности, статусы, блага и т.п. Объектом конфликта политического выступает политическая власть, символизирующая доступ к политическим и иным властным активам, а также к возможности политического управления.

Подводя итог, отметим, что политический конфликт может являться одним из сценариев развития социального конфликта.

Исследуя социально-психологические механизмы причин социальных конфликтов, обратимся к теории относительной депривации. В соответствии с ее трактовкой большинство субъектов участвует в социальных конфликтах в связи с тем, что находятся в неудовлетворенном (фрустрированном) состоянии [6. С. 51]. Эта теория позволяет обосновать происходящее в России и в других странах с «переходным» типом экономики и политического устройства, характеризуемым в том числе отсутствием легитимных и эффективных институтов управления конфликтами.

Так, в России в последние годы объективно наблюдается рост протестных акций. Этот рост происходит относительно медленными темпами, но протестное движение структурируется пока только в границах крупных городов¹. Причины

¹ *Вершинина Н.* Протестные настроения будут расти вместе с кризисом // Официальный сайт Российского информационного агентства URA.RU. 28.01.2015. Режим доступа: <https://ura.news/news/1052199666>. Дата обращения: 28.06.2018 года.

этого вписываются в теорию относительной депривации и состоят в ощущаемом ухудшении социально-экономического положения населения, отсутствии эффективных социальных лифтов, отчуждении власти от населения и т.п.

Одновременно с ростом протестной активности происходит и рост политической составляющей в социальных конфликтах, что в перспективе может привести к опасной ситуации, когда любой социальный конфликт будет одновременно и конфликтом политическим и как таковой будет приводить к постоянной разбалансировке системы управления.

Актуальным представляется и вопрос, какие социальные акторы и при каких условиях могут трансформироваться в акторов политических. Современная наука понятия «политический субъект» и «субъект политики» не считает равнозначными. Так, для субъекта политики сама по себе политическая деятельность во всех ее формах и проявлениях (в том числе и в форме участия в социальных конфликтах) является приоритетной и, по сути, единственной. Политический субъект использует политику как средство для достижения целей, носящих, как правило, социально-значимый характер: это всевозможные общественные организации, субъекты «третьего сектора», профсоюзы.

Статья 3 Конституции России установила, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является народ. В то же время из этого не следует, что население России наделяется качествами политического субъекта, поскольку политическая субъектность напрямую связана с участием актора в политической борьбе, в то время как акторы, избегающие такой борьбы, не могут рассматриваться в качестве политических субъектов.

Уместно вспомнить данные социологических опросов последних лет. Например, в 2010 году, отвечая на вопрос: «Готовы ли Вы лично более активно участвовать в политике?», только 19% респондентов ответили «определенно да / в какой-то мере да», а 77% — «скорее нет / определенно нет» [15]. А в апреле 2017 года ответы на этот же вопрос выглядят так: «определенно да / в какой-то мере да» — 16%, ««скорее нет / определенно нет» — 80%².

Вместе с тем в 2010 году Общественная палата России отмечала, что в обществе «сформировался большой слой социально активных граждан, которые объединяются в разнообразные сообщества и социальные сети, чтобы отстаивать свои интересы и ценности». При этом в качестве одной из причин, ведущих к появлению очагов социальной напряженности, названа «слабость реакции властей на основные запросы общества»³. Вплоть до сегодняшнего дня эта ситуация не изменилась, что подтверждают недавние события⁴.

² Политическое участие // Официальный сайт «Левада-Центр». 12.04.2017. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2017/04/12/politicheskoe-uchastie/>. Дата обращения: 28.06.2018.

³ Городецкая Н. Общественная палата ждет наступления реакции на запросы гражданского общества // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». 20.12.2010. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1561274>. Дата обращения: 28.06.2018.

⁴ Иванова М., Белый М. Как, проиграв Усманову, не сняв ролики, Навальный собрал митинги? // Официальный сайт Российского информационного агентства URA.RU. 12.07.2017. Режим доступа: <https://ura.news/articles/1036271233>. Дата обращения: 28.06.2018.

Эта тенденция очень опасна, поскольку современное усложнение форм и методов взаимодействия власти и общества актуализирует социальные конфликты, которые способны привести к дезорганизации управления. В этой связи повышается роль государства как основного социально-интеграционного механизма, одновременно выступающего и в роли своеобразного медиатора [31. С. 71].

Медиативные функции государства особенно важны в странах с переходным строем, характеризующихся углублением социального неравенства, существенным усилением властных позиций немногочисленной элиты и существенным затруднением участия большинства населения в политической жизни.

Такое положение дел противоречит демократическим принципам и закладывает основы для усиления авторитарных тенденций, но сквозь призму рассматриваемой темы опаснее другое: поляризация общества, которая приводит как к росту социальной и политической пассивности существенной части населения страны, так и к резкому падению легитимности существующих властных институтов.

Эффективное выполнение государством своих медиативных функций способно существенно нивелировать эти негативные тенденции. В развитых демократических государствах вырабатываются механизмы регулирования социального неравенства: перераспределение части национального дохода (через бюджет или различные фонды) в пользу малоимущих и социально слабозащищенных слоев; организация специальных органов власти, аккумулирующих интересы этих социальных групп и проводящих работу по их защите, и т.п. Эти механизмы объективно работают, хотя и с разной степенью эффективности в разных странах.

Однако манипулирование государством своими функциями в управлении социальными конфликтами может привести и к обратным последствиям. В современной России, характеризующейся слабыми и неустойчивыми институтами гражданского общества, именно государственная власть вынуждена заниматься развитием этих организаций, что приводит к зависимости «негосударственных организаций» от власти в целом и от конкретных субъектов политики [1. С. 66].

Большим соблазном этого процесса является соблазн давить социальные конфликты «в зародыше», «разрешая» их (именно в кавычках, потому что фактического разрешения при этом не происходит) волевым способом. При этом действия по подавлению социального конфликта направлены исключительно на его внешние проявления и публичную полую противоположной конфликтующей стороны. Социальные конфликты, которые «разрешаются» таким образом, почти всегда становятся латентными и неуправляемыми, поскольку для того, чтобы управлять, субъекту управления необходимо признать, классифицировать и обозначить объект управления, что в данном случае принципиально невозможно. В такой ситуации уже ничто не может помешать накоплению конфликтного потенциала, который, с большой долей вероятности, может «взорвать» социально-политическую ситуацию в самый неподходящий момент [28. С. 155]. К слову, в современной России появилась своеобразная форма перевода социальных конфликтов в латентную форму: отрицание их объективных причин и указание на то, что эти социальные конфликты являются исключительным следствием вмешательства агрессивных и враждебных «третьих» сил [17. С. 29—30]. Не вдаваясь в рамках настоящей

работы в анализ обоснованности, логичности и аргументированности этой позиции, отметим, что она крайне опасна своим отрицанием социального конфликта как феномена объективного, который невозможно создать и развивать извне, при условии, что реальные предпосылки к нему в обществе отсутствуют.

Аргументированной выглядит точка зрения, в соответствии с которой власть как субъект управления социальным конфликтом объективно сталкивается с необходимостью решения ряда задач, а именно:

— предупредить возникновение социального конфликта и его переход в фазу, затрудняющую процесс урегулирования;

— перевести латентные социальные конфликты в открытую форму с целью уменьшения неконтролируемых процессов;

— в ряде случаев, когда быстрое разрешение социального конфликта невозможно, он может переводиться в латентную форму, что позволяет законсервировать противостояние сторон, добиться изменения факторов, влияющих на его воспроизводство, в нужном направлении;

— минимизировать воздействие социального конфликта на общественное сознание, предупреждая рост протестного потенциала [11. С. 24].

Как указывал в своих работах Р. Дарендорф, «тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории. Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники» [32. Р. 140]. В связи с этим перед современным российским обществом и институтами публичной власти стоит общая задача: выработать механизмы обеспечения политической стабильности, под которой следует понимать не сохранность нахождения властного ресурса в руках одной и той же правящей элиты, а в первую очередь постоянство функционирования политических институтов, обеспечивающих согласование интересов государства, элит, групп давления и общества в целом [30. Р. 91].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Абгаджав Д.А.* Проблемы легитимизации и институционализации конфликтов в современной России // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2008. № 4. С. 64—70.
- [2] *Аристотель.* Политика // Библиотека Гумер. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php. Дата обращения: 28.06.2018.
- [3] *Бегинина И.А.* Категория интереса как инструмент анализа общественного мнения в социально-политической сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2009. № 3. С. 12—17.
- [4] *Брега А.В.* Управление политическим конфликтом // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1 (13). С. 33—37.
- [5] *Бэкон Ф.* Опыты, или наставления нравственные и политические. В 2 т. Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 574 с.
- [6] *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с., ил.
- [7] *Гоббс Т.* Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.

- [8] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.
- [9] Деметрадзе М.Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения // Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России». Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Demetr_pol-prav.pdf. Дата обращения: 28.06.2018.
- [10] Джармокова Ж.А. Каналы трансляции политических интересов в современном политическом пространстве // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 132—135.
- [11] Духина Т.Н., Болотова Т.П. Проблемы воспроизводства региональных социально-политических конфликтов в постсоветской России // Власть. 2011. № 9. С. 22—25.
- [12] Иванов О.Б. Политические интересы в социально-политических конфликтах современной России // Власть. 2017. № 7. С. 27—36.
- [13] Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
- [14] Киняшева Ю.Б., Мураценок С.В. Конфликтогенный потенциал гражданских инициатив в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 123—131.
- [15] Козырев Г.И. От социального протеста к социально-политическому конфликту // Персональный сайт Геннадия Козырева. Режим доступа: <http://kozyrev-gi.ru/pages/ot-sotsialnogo-protesta/>. Дата обращения: 28.06.2018.
- [16] Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. 784 с.
- [17] Лепехин В.А. Радикализация как способ воздействия на политические процессы и противодействие ей // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 27—30.
- [18] Локк Дж. Два трактата о правлении / Сочинения в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 405 с.
- [19] Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 656 с.
- [20] Маркс К. Избранные произведения. В трех томах. М.: Политиздат, 1985. 1817 с.
- [21] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
- [22] Мусаева Э.Ш. Теоретико-философские аспекты политических конфликтов // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 24—26.
- [23] Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект пресс, 1997. 270 с.
- [24] Платон. Государство. Книга 8 // Lib.ru. Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt>. Дата обращения: 28.06.2018.
- [25] Политическая конфликтология: Учебн. пособие для вузов (Б.В. Коваленко, А.И. Пирогов, О.А. Рыжов). М.: Ижица, 2005. 400 с.
- [26] Руденкина А.И., Керимов А.А. Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 56—61.
- [27] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: «Наука», 1969. 704 с.
- [28] Суслов Е.В. Роль и место конфликтов в демократических политических процессах // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 4. С. 153—157.
- [29] Трофимова Е.А. От социального противоречия к социальному конфликту // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. № 2. С. 207—214.
- [30] Фельдман П.Я., Аветисов Э.К. Согласование интересов государства и общества как фактор обеспечения политической стабильности в современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 7 (122). С. 90—97.
- [31] Цой Л.Н., Иванов О.Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. 2016. № 10. С. 69—75.
- [32] Darendorf R. Society and Democracy in Germany. New York, 1969. 276 p.

POLITICAL ASPECT OF SOCIAL CONFLICTS

O.B. Ivanov

Center for Social Conflicts Resolution

Prosp. Mira, 72, Moscow, Russian Federation, 129063

Abstract. Understanding social conflict is one of the key problems of contemporary social sciences. This article views the phenomenon of social conflict as an important form of social interaction. Social conflict is seen as a manageable process, which can be controlled by an external force. Modern Russian society is characterized by an increase in the number of citizens expressing their dissatisfaction with governmental response to social demands. This article is an attempt to analyze social conflict in modern society as a phenomenon that also has a political component. Pertaining to the stated goal, the article focuses on the problems of social inequality in present-day reality. It is stated that mitigation of socio-political tensions is related to government policy, and a high level of social differentiation of society can pose a threat to political stability. The increase in the degree of social inequality is related to inequitable social interchange that takes place in society. Exceeding the permissible degree of inequality leads to a large difference in the standard of living of social groups, which is regarded as discrimination and infringement of rights of certain demographics. This circumstance causes social tensions and serves as a ground for the emergence, development and spread of social conflicts. The novelty and practical significance of the work consists in presenting a comprehensive analysis of how social and political conflicts are interrelated and, in case of contemporary Russian reality, intertwined. The author examines the specific character of social conflicts in modern Russia and points out the need for development and use of methods — adequate to the current state of information technology — that would effectively regulate social conflicts.

Key words: social conflict, political conflict, subject of conflict, political culture, political regime, civil society, conflict management

REFERENCES

- [1] Abgadhava D.A. Problemy legitimizatsii i institucionalizatsii konfliktov v sovremennoj Rossii [Problems of Conflict Legitimation and Institutionalization in Modern Russia]. *Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2008; 4: 64—70 (In Russ.).
- [2] Aristotle. *Politika* [Politics]. *Biblioteka Gumer*. Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php. Accessed: 28.06.2018 (In Russ.).
- [3] Beginina I.A. Kategoriya interesa kak instrument analiza obshchestvennogo mneniya v social'no-politicheskoy sfere [Category of Interest as a Tool of Public Opinion Analysis in Socio-Political Sphere]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya*. 2009; 3: 12—17 (In Russ.).
- [4] Brega A.V. Upravlenie politicheskim konfliktom [Political Conflict Management]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2014; 1 (13): 33—37 (In Russ.).
- [5] Behkon F. *Opyty, ili nastavleniya npravstvennye i politicheskie* [Essays or Councils, Civil and Moral]. V 2 t. Compilation, edition and introduction by A.L. Subbotin. 2nd ed. Moscow: Mysl'; 1978. Vol. 2. 574 p. (In Russ.).
- [6] Gurr T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why Men Rebel]. SPb.: Piter; 2005. 461 p. (In Russ.).
- [7] Gobbs T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine*. Moscow: AST; Minsk: Harvest; 2001. 304 p. (In Russ.).
- [8] Darendorf R. *Sovremennyy social'nyj konflikt. Ocherk politiki svobody* [Modern Social Conflict: Essay on the Politics of Liberty]. Moscow: ROSSPEN; 2002. 288 p. (In Russ.).

- [9] Demetradze M.R. Politiko-pravovye aspekty grazhdanskogo nepovinoeniya [Political and Legal Aspects of Civil Disobedience]. *Nauchnaya ehlektronnaya biblioteka "Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii"*. Available from: https://www.civisbook.ru/files/File/Demetr_pol-prav.pdf. Accessed: 28.06.2018. (In Russ.).
- [10] Dzharmokova ZH.A. Kanaly translyacii politicheskikh interesov v sovremennom politicheskom prostranstve [Channels of Transmission of Political Interests in Modern Political Space]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2013; 5: 132—135 (In Russ.).
- [11] Duhina T.N., Bolotova T.P. Problemy vosproizvodstva regional'nyh social'no-politicheskikh konfliktov v postsovetsoj Rossii [Problems of Rehabilitation of Socio-Political Conflicts in Post-Soviet Russia]. *Vlast'*. 2011; 9: 22—25 (In Russ.).
- [12] Ivanov O.B. Politicheskie interesy v social'no-politicheskikh konfliktah sovremennoj Rossii [Political Interests in Socio-Political Conflicts of Contemporary Russia]. *Vlast'*. 2017; 7: 27—36 (In Russ.).
- [13] Kamyu A. *Buntuyushchij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebel. Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat; 1990. 415 p. (In Russ.).
- [14] Kinyasheva YU.B., Murashchenkov S.V. Konfliktogennyj potencial grazhdanskikh iniciativ v sovremennom rossijskom obshchestve [Conflict-generating Potential of Civil Initiatives in Modern Russian Society]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2014; 1: 123—131 (In Russ.).
- [15] Kozyrev G.I. Ot social'nogo protesta k social'no-politicheskomu konfliktu [From Social Protest to Socio-Political Conflict]. *Personal'nyj sayt Gennadiya Kozyreva*. Available from: <http://kozyrev-gi.ru/pages/ot-sotsialnogo-protesta/>. Accessed: 28.06.2018 (In Russ.).
- [16] Koehn D.L., Arato EH. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil Society and Political Theory]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir»; 2003. 784 p. (In Russ.).
- [17] Lepekhin V.A. Radikalizaciya kak sposob vozdejstviya na politicheskie processy i protivo-dejstvie ej [Radicalization as a Way to Manage Political Processes]. *Vestnik ehkonomicheskoy bezopasnosti*. 2015; 6: 27—30 (In Russ.).
- [18] Locke J. *Dva traktata o pravlenii. Sochineniya v 3 t.* [Two Treatises of Government. *Selected Works in 2 Vol.*] Moscow: Mysl'; 1988. Vol. 3. 405 p. (In Russ.).
- [19] Makiavelli N. *Gosudar': Sochineniya* [The Prince]. Moscow: EKSMO Press; Har'kov: Folio; 2001. 656 p. (In Russ.).
- [20] Marx K. *Izbrannye proizvedeniya. V trekh tomah* [Selected Works. In 3 Volumes]. Moscow: Politizdat; 1985. 1817 p. (In Russ.).
- [21] Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST; 2006. 873 p. (In Russ.).
- [22] Musaeva EH.SH. Teoretiko-filosofskie aspekty politicheskikh konfliktov [Theoretical and Philosophical Aspects of Political Conflicts]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2016; 2: 24—26 (In Russ.).
- [23] Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt press; 1997. 270 p. (In Russ.).
- [24] Plato. *Gosudarstvo. Kniga 8* [The State. Book 8]. Available from: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt>. Accessed: 28.06.2018 (In Russ.).
- [25] *Politicheskaya konfliktologiya: Uchebn. posobie dlya vuzov* (B.V. Kovalenko, A.I. Pirogov, O.A. Ryzhov) [Political Conflict Resolution Studies: Manual for graduate students]. Moscow: Izhica; 2005. 400 p. (In Russ.).
- [26] Rudenkina A.I., Kerimov A.A. Social'no-politicheskaya teoriya protesta v zarubezhnoj nauke [Socio-Political Theory of Protest in Foreign Science]. *Socium i vlast'*. 2016; 4 (60): 56—61 (In Russ.).
- [27] Russo ZH.-ZH. *Traktaty* [The Discourses]. Moscow: Nauka; 1969. 704 p. (In Russ.).

- [28] Suslov E.V. Rol' i mesto konfliktov v demokraticeskikh politicheskikh processah [Place and Role of Conflicts in Democratic Political Processes]. *Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii*. 2013; 4: 153—157 (In Russ.).
- [29] Trofimova E.A. Ot social'nogo protivorechiya k social'nomu konfliktu [From Social Disagreement to Social Conflict]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2011; 2: 207—214 (In Russ.).
- [30] Fel'dman P.YA., Avetisov EH.K. Soglasovanie interesov gosudarstva i obshchestva kak faktor obespecheniya politicheskoy stabil'nosti v sovremennoj Rossii [Accommodation of Public and State Interests as a Way to Provide Political Stability in Contemporary Russia]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015; 7 (122): 90—97 (In Russ.).
- [31] Coj L.N., Ivanov O.B. Mediatsiya i konfliktologiya: metodologicheskie i predmetno-soderzhatel'nye razlichiya [Mediation and Conflict Resolution Studies: Methodological and Substantive Differences]. *Vlast'*. 2016; 10: 69—75 (In Russ.).
- [32] Darendorf R. *Society and Democracy in Germany*. New York; 1969. 276 p.

Сведения об авторе:

Иванов Олег Борисович — руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов, председатель Коллегии медиаторов при Торгово-промышленной палате Московской области (ORCID ID: 000-0001-8427-1323) (e-mail: collegiamo@gmail.com).

Information about the author:

Ivanov Oleg Borisovich — Head of the Center for Social Conflicts Resolution, Director of the Board of Intercessors affiliated with Chamber of Commerce and Industry of Moscow Region (Russian Federation) (ORCID ID: 000-0001-8427-1323) (e-mail: collegiamo@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 01.07.2018.

Received 01.07.2018.